

ПОСТМОДЕРНИЗМ И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА

Роман Соловий,
докторант,

Евангельский теологический факультет (Лувен, Бельгия)

Annotation. *The irrational nature of the postmodernism provides opportunities for the legitimate presence of the religion in public discourse. Modern Protestant theology looks for the opportunities for the development of Christian preaching and practice in terms of the relativism of post-modernism based on the rejection of the ideals of the Enlightenment and accepting to some extent the installation of a pluralistic worldview, which replaces the monism of modernism.*

Keywords: *Christian theology, contemporary Protestant theology, postmodernism, religion.*

Определение Лиотаром научной рациональности как «языковой игры со своими правилами» подвергло сомнению мысль, что только рациональность и опыт обеспечивают доступ к истине. В результате христианство получило возможность возвратиться на «интеллектуальную арену» в ранге «полноправного игрока». Естественно, среди исследователей постмодернизма не существует согласованной оценки отношения новой культурной парадигмы к религии и, в частности, к христианству, а также перспектив христианских ценностей в новую эпоху. Тем не менее, не вызывает возражений заявление, что в отношении религии постмодернизм существенно отличается от направленного на секуляризацию модернизма прежде всего тем, что он принимает религиозный опыт, религиозные смыслы и символы, правда, не отводя им при этом никаких преимуществ в сравнении с другим опытом, содержанием или символами.

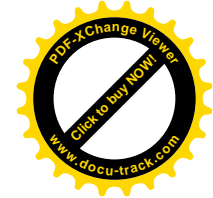
Основной материал. Постмодернистская деконструкция религии не означает полный отказ от нее, ведь атеизм, также основанный на «метанарративах» (в частности на материалистической философии, позитивизме и сциентизме), это своего рода религиозный феномен, а значит точно так же должен быть подвергнут деконструкции [5]. Кризис модерна именно как проекта тотальной секуляризации дает основания оценивать постмодерн как «постсекулярную» эпоху. Г. Кюнг считает, что постмодерн снова открывает религию, которая в парадигме модерна вытеснялась, игнорировалась и подавлялась. Комментируя взаимосвязь упадка модернизма и возрождения духовности, Дж. Ваттимо точно подчеркивает: «Мы верили, что сможем осуществить справедливость на земле, а теперь понимаем, что это больше невозможно и обращаем свои надежды к Богу» [3, р. 24]. В тоже самое время следует помнить, что постмодернизм сводит религиозную веру к уровню частного мнения, в его трактовке христианство не лучше любой другой системы убеждений. В постмодерности происходит не полноценное возрождение христианства и возвращение им былых господствующих позиций, а завоевание ограниченного сегмента социального пространства. Христианство не берет реванш, в «постсекулярном» мире его просто терпят. Стоит обратить внимание на то, что постмодернизм отрицает правомерность существования каких-

либо иерархий, он не признает разделения путей познания мира на «подлинные» и «неподлинные», научные и ненаучные. К тому же, сторонники постмодернизма рассматривают претензии науки на адекватность отображения действительности как необоснованные, они отказывают науке в каких-либо преимуществах и ставят ее в один ряд с другими видами знания, включая и религию. Некоторые постмодернисты отдают предпочтение религии, а не науке, и предлагают не только возобновить репутацию религии, но и вернуть ей прежний приоритет, поскольку именно она, считают они, дает абсолютные, фундаментальные, «извечные истины».

Неоднозначные оценки ученых вызывает вопрос религиозной природы постмодернизма. В частности, С. Савченко предлагает рассматривать постмодернизм как собственно религиозный феномен, или как такой, что вытекает из религиозного мироощущения. Он доказывает, что постмодернизм глубоко укоренен в религиозной психологии, имеет религиозные корни и мотивацию [9]. Здесь стоит возразить, что наиболее адекватным постмодерну оказывается не универсалистское христианство, а языческие этнографические культы с их магическим восприятием мироздания, обожествлением природы, с онтологическим и социальным партикуляризмом. Трактовку постмодернистской интерпретации религии как реакции на мировоззренческие позиции модерна предлагает социолог В. А. Бачинин. Он убежден, что эпоха модернизма — «последний акт великой исторической мистерии, завершающей фазу раскола между Богом и человеком. Раскол это явил свою деструктивную силу, когда человек представил, что Бог «мертв», и когда личное и государственное безбожие стало практически повсеместно превращаться в норму жизни» [4, с. 163]. Сложно не согласиться с его оценкой модернизма как «эстетики соблазна», оправдывающей постоянные повторы того самого экзистенциального эксперимента: попытку деятелей культуры и искусства представить, каким может быть мир без Бога. Правда, ученый полагает, что постмодернизм также нельзя считать качественно новой культурной парадигмой, абсолютно отличной от модернизма. Зависимость постмодернизма от модернистских клише и, вместе с тем, относительная свобода от них позволяет В. А. Бачинину квалифицировать постмодерна как культурную субпарадигму.

В связи с этим стоит обратить внимание на размышления И. В. Подберезского [8]. Он утверждает, что поскольку постиндустриальное общество прежде всего является информационным, а информация — это главным образом текст, то, «рассматривая мир как текст, постмодернизм предлагает ограничиться только знаками («означающими») и не стремится постичь «означаемое», не ставить «пустых» вопросов о реальности, лежащей за знаками». То есть, означаемые — это всего лишь проекции, которые познаются разумом, но не «упираются ни в какую реальность, даны в модусе постоянной отсрочки» (М. Эпштейн). Для верующих людей в таком подходе видится посягательство на важнейшие основы христианского мировоззрения и отношения к реальности, делает вывод И. В. Подберезский. В том, что происходит они видят эрозию религиозных истин, на которых верующие основывают интерпретацию своего прошлого, личной идентичности, перспектив на будущее. Кроме того, сомнению и опровержению

подвергается даже фундаментальное для любой религии понятие Бога, которое рассматривается всего лишь как знак в череде других знаков.

Таким образом, отношения с религиозной традицией в постмодерне не строятся на основании простого отрицания. Скорее речь идет о поиске вполне альтернативной христианству концептуальной формы, которая бы более всего отвечала установкам философской парадигмы постмодернизма. Предпринимаются попытки найти форму в дохристианских верованиях или в ареалах других религиозных традиций. Так, Ж.-Ф. Лиотар с симпатией относился к «язычеству» как к политеизму, то есть сакральной сфере множественности, которая противостоит универсальной монотеистической традиции, Ролан Барт писал о том, что повседневная жизнь исполнена загадочных знаков и символов, а Жан Бодрийяр говорил о праздничных зрелищах супермаркетов и их псевдолитургичность.

Иногда основной чертой отношения постмодернизма к религии или к метафизике в целом считают антиуниверсализм. Постмодернизм «отбрасывает любую систему как таковую, будь то вероучение, объяснительная схема, или обобщающая теория, претендующая на обоснование закономерностей мира. Постмодернизм видит в таких построениях «шоры догматизма», которые он пытается уничтожить. Объявив войну всяким формам тотальности и универсальности, постмодернизм начал борьбу с их проявлениями. Все постмодернистские течения выступают в пользу освобождения плюрализма. В любом проявлении традиционной религии с ее универсальностью, догматикой, иерархией и стилем постмодернизм видит скрытые механизмы подавления, противостоящие эклектичному и игровому отношению к привычным духовным и культурным ценностям. У. Крейг приходит к выводу, вытекающему непосредственно из постмодернистского понятия истины: «Религиозное разнообразие требует, чтобы мы рассматривали ... конкурирующие утверждения как одинаково истинные или одинаково действенные, как и христианские претензии на истинность, или не менее подлинные, чем они. Однако почему религиозное разнообразие предусматривает такой вид открытости? Постмодернист защищает тут намного больше чем простое интеллектуальное смирение. Постмодернист не просто говорит, что мы не можем точно знать, какое религиозное мировоззрение является верным, и потому быть непредубежденными. Скорее он утверждает, что каждое из религиозных мировоззрений объективно не является истинным» [1, р. 77]. Как отмечает А. Кырлежев [6], постмодерн «растворяет» в себе религию, она теперь может присутствовать везде, но только не в традиционных формах, например, не в форме церкви как социального и культурного института. Ведь для человека постмодерна характерны вариативность, синкретичность, размытость религиозных представлений.

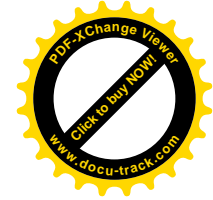
Американский православный богослов Д. Харт [10] видит в постмодернизме признаки пробуждения от философии, связанной с идеями Просвещения, что создает возможность возобновить осознание «эстетического характера и окончательной безосновности «истины». Постмодернистское отрицание поисков «главного метанарратива», обобщающего все конечные и культурно обусловленные нарративы, утверждает Харт, созвучны убеждениям в том, что истина христиан-

ства не должна превращаться в форму абстрактных принципов, оставаясь только воплощенной красотой.

М. В. Михайлова утверждает, что «при внимательном рассмотрении постмодернизм демонстрирует свою вписанность в контекст христианской мысли, предстает течением внутри европейской культуры, которая обращается к своим христианским основаниям» [7, с. 166]. Рассматривая соотношения классической и постмодернистской моделей культуры через соотношения катафатического и апофатического методов в богословии, автор констатирует нарастание ощущения усталости от безответственных претензий на знание, очевидное бессилие систем перед лицом жизни, что в свою очередь вызывает к жизни новую апофатику, обретающую свое проявление в негативном повороте богословия XX столетия. Так Р. Бультман предлагает свою идею «демифологизации» христианства, которая затрагивает вопрос о соотношении исторического и вечного в христианстве и призывает к отказу от катафатических представлений, которые своей мифологичностью уводят от Бога. Апофатические тенденции доминируют в богословии П. Тиллиха, утверждавшего, то для познания Бога нужно отказаться от всех традиционных представлений о Нем, а возможно, и от самого этого слова [2]. Д. Бонхеффер размышляет о наступлении безрелигиозной эпохи, о том, какими будут отношения Христа с миром, достигшим совершеннолетия. Для него христианский путь соединяет в себе и позитивность развитой религии и негативность, соучастие в бессилии Бога в мире. Напомним, что М. Фуко и Ж. Делез также обращались к христианской апофатике и призывали возвратиться к «негативному богословию», позволяющему говорить о Боге только в понятиях незнания. М. Михайлова считает, что в этом богословском и философском контексте постмодернизм раскрывается как «сгущение апофатических тенденций, возрождающихся в уставшей от новоевропейского катафатизма современной культуре» [7, с. 172]. Подобно богословом Появляющейся церкви автор видит в присущей постмодернизму беззащитности, смирении перед истиной, отображение идеала евангельской простоты. Следует обратить внимание на то, что осознание постмодернизмом условности и ограниченности всех порожденных человеческим разумом понятий, идея несовершенства языка, присущий постмодернизму дискурс молчания, родственны идеям исихазма, который проповедовал отчуждение, сосредоточенность сознания на себе, провозглашал молчание условием покаяния и очищения души.

В отличие от фундаменталистских предшественников, осуждавших светскую культуру, христиане постмодерна принимают активное участие в жизни окружающего мира, пытаясь принести (или «прожить») весть Иисуса в своей непосредственной культурной среде. Богословские и экклезиологические эксперименты современных протестантских церквей главным образом обусловлены серьезным отношением к культуре, попыткой исходить из нее, а не навязываться ей. Однако следует обратить внимание, что в период постмодерна произошла радикальная переоценка традиционных эстетических ценностей, даже больше — общего представление о культуре, ее роли и предназначении. По словам И. Ильина, культура перестала быть тем, чем она была раньше: сферой должного

и идеального, областью господства нетленных канонов красоты и совершенства. Информационное общество способствует одностороннему развитию интеллекта, а массовая культура создает одномерного «человека развлекающегося», что, в свою очередь, приводит к тотальному кризису культуры. Однако, как убедительно доказал Л. Ньюбигин, ни в одной эпохе церковь не могла избежать культурной материализации евангелия, и ей не следует стремиться к этому. Хотя в некоторых аспектах церковь всегда выступает в роли контркультуры (со своим языком, практиками и рассказами), она не должна быть замкнутой и самодостаточной. Формируя свои практики и определяя актуальные направления богословского поиска, церковь должна учитывать уже существующие в обществе ритмы и структуры, а не опираться только на заранее разработанную модель. Существующие интеллектуальные и социальные проекты могут рассматриваться при этом как диалоговые партнеры, а не как непримиримые соперники.

Новые церкви также характеризуются интенсивным стремлением создать у своих последователей ощущение принадлежности к подлинной общине, в которой они могут оставаться честными перед Богом, собой и другими. Не полагаясь исключительно на когнитивные элементы религиозности, церковь признает, что сомнение и тайна — это неотъемлемая часть христианской веры, не ограничивающейся только словами, интеллектом и концепциями, а включающей символы, молчание, чувства и воображение. Таким образом, христианские общины постмодерна стремятся развивать целостную веру, которая становится неотъемлемой частью их повседневной жизни. Вопросы, поднятые в начале нового тысячелетия, заставляют евангелический протестантизм переосмыслить упрощенный взгляд на евангелие, приводя к пониманию Царства Божьего как нечто большего, чем потусторонняя жизнь, и возрождая акцент на причастности последователей Иисуса к деятельности Царства, установления справедливости и дел милосердия. Интерес к преобразованию общества обуславливает новое прочтение евангелия, рассматриваемое не столько как послание, которое должно привести человека к выбору между небесами и адом, но как весть, которая может и должна изменить собственную жизнь церкви и жизнь общества.

Выводы. Таким образом, отношения постмодернизма и религии не являются такими абсолютно антагонистичными, как они представляются в воображении консервативных богословов. Существует определенная открытость как постмодерна к религиозному мировоззрению, так и религии, в ее теологической форме, к постмодерну.

Литература:

1. Phillips T. R., Okholm D. L. Christian Apologetics in the Postmodern World. InterVarsity Press, 1995. — 238 p.
2. Tillich P. The Shaking of Foundations. Hardsmondsworth, Middlesex: Penguin, 1963. — 189 p.
3. Vattimo G. Belief. Cambridge: Polity Press, 1999. — 104 p.
4. Bachinin V. A. Postmodernism i hristisnstvo // *Obschestvennye nauki i sovremennost*, № 4 (2007). — s. 162–171.

5. Vatoropin A. S. *religios postmodernism // Soziologicheskie issledovaniya*, № 11 (2001). — s. 84–92.

6. Kyrlezhov A. *Postsekulyarnaya epoha // Kontinent*, № 120 (2004) <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>.

7. Mihailova M. V. *Apofatika v postmodernisme // Simvoly, obrasy, stereotypy sovremennoy kultery: Filosofskiy i metafizicheskiy opyt*, vypusk 7 (2000). — s. 166–179.

8. Podberezskiy I. V. *Hristianskiy fundamentalism v Rossii na rubezhe vekov // Postindustrialnyi mir: zentr, periferiya, Rossiya. Sbornik 4. Mirovaya kultura na poroge XXI veka* (M., 1999). — s. 87–149.

9. Savchenko S. *Postmodernism yak znamennya chasu // Humanitarniy zhurnal*, № 25–26 (2006). — S. 242–248.

10. Hart D. *Krasota beskonechnogo: Estetika hristianskoi istiny // Devid Hart*. — M.: Bibleysko–bogoslovskiy institute sv. Apostola Andreyana, 2010. — 673 s.